
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

ОДНА ИЗ ТАИН

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

1

Цвело — все сразу:
был горяч
июнь,
и солнце рисовало
за ограждениями дач
косые контуры овалов

или кругов,
не пощадив
вовсю цветущие растенья.
Поливы делались для их
неоднократного спасенья.

...Мне это виделось извне —
участка с дачей не имея,
нередко думаю земле
отдать свое, все, что есть, время,—

не умереть —
наоборот —
взрастить и выпестовать жизни.
Но втиснуть это в ряд забот,
неумолимость, как — скажи мне?..

2

Но больше всех меня влекли,
меня притягивали судьбы
цветов, чьи были велики
глаза и чуть
припухши губы,—

чьи были плечи чуть остры,
чья тонкость слуха впечатляла,
на чьи холёные листы
садилась Нимфа,
чуть печальна...

3

Я проезжала вдоль домов,
и мне хотелось был причастной
к посадке трав,
к вязанке дров,
к прополке — муторной и частой,

к чесночной стрелке,
на какой
крепился острый наконечник,
одетый накрепко рукой
седого дачника, конечно,

к зеленой грядке,
к сорнякам,
что так и лезли бы,
и лезли,
когда бы зло не засверкал
садовых ножниц контур лезвий...

...Такие мысли не дадут
болеть моим последним нервам.
Как хорошо когда-нибудь
свободным стать...
пенсионером!

4

Ни ветерка.
Открыв окно,
я сожалела, что не встречу
среди машин — ни одного
цветка, чей был бы ровен венчик.

Машина слушалась меня,
мною увеличивалась скорость,—
из глаз сегодняшнего дня
вот-вот — и скроюсь.

5

И вдруг,
как вьюга, впереди,
как привидение,
как диво,
метнулась тень.
Определить
я не смогла, что это было.

Я, не успев затормозить,
в непониманье оглянулась —
и крылья белой стрекозы,
и бело-лунная округлость —

все стало блеклым.
Онемев,
я задала вопрос: зачем мне?..

...Зари открылся львиный зев —
вечерней.
И Бог заговорил с травой...

...Но то, что я обожествила,
предстало вдруг передо мной
кустом жасмина.

6

Да, это был жасмина куст —
весь на цвету, как будто к свадьбе
готов.
И шепот Божьих уст
был тишиной — внезапной — скраден.

Да, он казался женихом:
его ажурная манишка
напоминала снежный ком,
детьми долепленный почти что,

напоминала море в шторм,
напоминала белый камень,
и были млечный путь и он,
да, —
двойниками.

7

— Могу ли я сломить у вас
три-пять не самых пышных веток?
Жасмин молчал.
Из многих трасс
была шумнейшей трасса эта.

Черты лица — напряжены,
но ни один не дрогнул мускул.
Я протянула руку,
и...
хлоп — звук — сустав, как будто, хрустнул,

и ветка щелкнула.
Щелчок
был оглушительным и резким.

И заблестели возле щек
соцветий,
слез ли
арабески.

8

Каким был плач!
Я никогда
таких не видела рыданий!

Пусть я не сделала добра,
но и я и не несла страданий!

Летели в небо лепестки,
и мне в лицо,
и на дорогу.
Стучали сердце,
пульс,
виски:
«не тронь,
не тронь,
не тронь.
Не трогай»...

9

Я, чем умела, помогла:
«Пусть все пройдет»,— я загадала.
Чернавка-ночь была смугла,
как от загара.

Как будто, ангела крыло
досталось зверю,
как будто облако легло
на землю,—

так было много, много слез.

Но становился тише,
тише
жасмина плач.
До блеска звезд
был небосвод теперь начищен.

Жасмина впала область скул,
он промочил жилетки вишен,
потом, наплакавшись, уснул
и стал недвижим.

10

Как часто скрытый тайный знак
довлест,
властвует над нами!
Тобой, загадочность — дай знать —
мир управляем?

Есть тайн несметное число,
но среди них — необычайной —
был плач жасмина —
отчего? —
Осталась тайной.

Людмила Межиньш
(г. Рига)

Член Союза писателей России, поэт, прозаик, лауреат двух международных премий за детскую литературу, обладатель литературно-общественной премии им. С. Есенина «Пой песню, поэт», с присвоением одноименного ордена, медалей за литературную деятельность: им. Шолохова, им. Грибоедова. Педагог-керамист. Автор восьми книг поэзии и прозы, детской литературы, сказок.

ЗА СЕМЬЮ ЗАКАТАМИ

За семью закатами,
Радугой объятами,
Тайна тайн упрятана
От людской молвы.
Путь к ней прост до крайности,
От страданий к святости,
Но дойти до радости
Можем я и Вы.

Ясписы рассыпаны
И ромашки вытканы
На тропинках избранных,
Только позови.
Но к седьмому солнышку,
Тонущему в морюшке,
Не припало б горюшко
Тайной тайн Любви.

МЫ — ПОТЕРЯННЫЕ ДЕТИ

Мы — потерянные дети
матерей святой Руси.
С ветром бродим по планете.
Сердце, сердце не гаси!

Мы добры и одержимы,
окунаем взгляд в родник,
но куда бы ни пошли мы,
камень, лед, скала — тупик.

Взгляд полощется в рассвете,
в чистоте былых времен.
Мы стареющие дети
неповерженных икон.

Снег скрипит... За новой эрой
к звездам льнет луны белок.
У березы индевелой
ветром воет белый волк.

ПАМЯТИ ЛЮБИМОГО РУССКОГО ПОЭТА

Замучен гения судьбою
Лазурный взгляд Твой над избою.
В подвалах страшных «Англетера»
ЧеКа безмозглая холера
Распяла мальчика-Поэта,
И нет у совести ответа.
Следы сметенные насилья
На взрытой бесами могиле.
Наиздевались над Тобою,
России Небо Голубое!
Все жены, что тебя любили,
Измены глупые забыли,
склоняясь низко пред Иконой

Над свечкой, матерью зажженной.
И, в ангельской сливаясь силе,
Все журавли тебя простили.

Ключи Марии над Окою
Звенят Поэзии рекою.
Ты к нам всегда придешь, Сережа,
В прощенной Радунце Божьей.

БОРОДИНСКИЕ ЖЕМЧУЖИНЫ

Бородинское поле!
Здравствуй, Вера моя!
Здравствуй, русская Родина предков!
Васильковый росток
И хрустальный глоток
Из криницы живительно-редкой.

В красоте древнерусской
Бородинской земли,
Где прославились воины в битве,
Скорбь Небес не молчит,
Беспрестанно стучит
Сердце в такт материнской молитве...

Валерий Савостьянов
(г. Тула)

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской
литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

ВОЛШЕБНАЯ ПРОСЬБА

Постаревший, отъевшийся, важный,
Я однажды сюда загляну,
Где твой маленький дом двухэтажный
С той рябиной, припавшей к окну.

Где твой лик, обольстительно дерзкий,
Завлекая в пространства зеркал,
То по-взрослому строгий,
То детский
И капризный —
Мне долго мелькал.

Чем пленила ты, приворожила,
До сих пор не пойму, не решу, —
Но мечталось:
Коль встречу я джинна,
Об одном у него попрошу:

«Я, Хоттабыч, иметь над любимой
Не желаю волшебную власть.
Поменяй нас местами с рябиной,
Чтоб к заветным окошкам припасть!

Все равно я сюда, как на смену,
Прихожу, когда все уже спят.
Все равно
Я признаться не смею,
Как рябина, краснея до пят...»

ПИОНЕРСКИЙ РОМАН

Тане

Боже мой, как нравилась ты мне!
Но судьба вожатою суровой
Не лицом к лицу — спиной к спине —
Нам два места выбрала в столовой.

Вроде бы мы рядом, но, — увы! —
Помню, как отчаянье пытало
Тем, что глаз прекрасных синевы —
Мне налюбоваться — не хватало!..

И когда в столовку прибежал,
Я, поверь, не думал об обеде,
Ждал тебя — и стул свой подвигал,
Чтоб на свой ты села, словно леди!

Весь отряд смеялся надо мной
За мои галантные вставанья,
Но я словно чувствовал спиной,
Как ты благодарна за вниманье!..

Боже мой, как нравилась ты мне:
Я не мог тобой налюбоваться!
Но сидели мы спина к спине —
Видно, случай любит издеваться!

Вот и весь наш лагерный роман —
Детский, но пленительный и дерзкий.
Вспоминаю, сев на свой диван —
Греет спину галстук пионерский!

ФЛЕЙТИСТКА ИЗ ЧЕРТАНОВА

...И нежность вспыхнет заново,
Лишь в памяти найду
Флейтистку из Чертанова
В Царицынском саду.

Как звать: Аленой, Светою? —
Не скажет мне она,
А скажет лишь, что флейтою
Всерьез увлечена!

И что шедевр Баженова
И грусть дворцовых ив —
Рождают в ней божественный
Лирический мотив!

Не дева — каша манная!
Но сердце упадет,
Когда под ручку с мамою
К метро она пойдет.

И все начнется заново,
Лишь в памяти найду
Флейтистку из Чертанова
В Царицынском саду.

ПОКА МЫ С ВАМИ НЕЗНАКОМЫ

Есть у мечты свои законы —
В один из них я посвящен:
Пока мы с Вами незнакомы,
Я очарован, я — смущен.

Я начинаю заикаться,
Не веря собственным глазам,
Что нищ мой мир классификаций:
Ваш лик — подобен образам!

Я встречи новой, неслучайной,
Ищу, как праздника, уже:
Ваш голос музыкой венчальной
Священнодействует в душе...

Прошу Вам колкую улыбку,
Легко солгав, что по пути,
И буду сумку, словно скрипку,
До дома бережно нести.

И в майский час, когда мы вместе
Идем к метро по январю,
Вам подарю охапки лести
И три тюльпана подарю!..

Пока мы с Вами незнакомы,
Мне Богом, кажется, дано
Благоухание балкона,
Где Ваше светится окно,

И вечер с трепетною тайной,
Сюжет загадочно-любой,
Где звать Вас — Музой или Таней,
Где звать Вас — Ольгой иль Судьбой...

БЕЛАЯ НОЧЬ

Никогда-никогда
со щеки
белой ночи твоей не сотру,
Белый город,
где чайки будили меня поутру.
Где вставал я с подушки,
пропахшей духами горячими той,
Что так щедро делилась
и кровом своим, и мечтой.

Чудо гостеприимства!
С базара арбуз и янтарные капли айвы.

И душа — нараспашку.
И только любовью она не делилась, увы!
И пока до рассвета
черный кофе я свой допивал —
О другом, о любимом она говорила,—
и я ей советы давал...

Никогда-никогда не остынет
черный кофе тех белых ночей,
Никогда-никогда
черный хмель ее белых плечей
Безвозвратно не канет —
и станет являться во сне,
Где подушка кричит,
белой чайкой паря в белизне!..

ЗЕРКАЛА

Чья-то ласковая дочка.
Чья-то верная подруга.
Чья-то страсть.
Но в этом зале, где сверкали зеркала,
В этом городе и мире,
где не встретили друг друга,
Ты была моей мечтою,
ты надеждою была.

И антракт уже кончился —
жизнь дошла до середины,
И когда устал я верить,
обнимая пустоту,
Пощептались мрак со светом,
и зеркальные глубины,
Перебрав свои запасы,
вдруг явили мне мечту!

Я не знаю, что мне делать
с неожиданным подарком:
Страстью, дочкою, подругой
и мечтою, что искал,—
Что вдруг стала мне всем сразу!
И тревожно в мире ярком
Щедрых пьес и карнавалов
и смеющихся зеркал.

ЧТО МЕЖ НАМИ, МЕЖ ДВОИМИ

Что меж нами, меж двоими —
Разве кто-нибудь поймет?
Я шагну лишь — Ваше имя
Снег опять поет, поет!

Он ложится, словно гравий
Между нами в топь разлук...

Ни письма, ни фотографий.
Только имя Ваше вдруг!

Только грустное свечение
Звезд — замерзших Ваших слез.
Только кисти Боттичелли
Лик Ваш в пламени волос!

СЛАЛОМ

Вкусный жар шашлычных печек.
Звон серебряных уздечек.
Остроумный блеск словечек,
что роняла на бегу.
Массовик наш, наш затейник,
ненаглядный человечек,
Расставляй цветные кегли
на заснеженном лугу!

Будь судьей и пророком
в споре сладком и жестоком,
Пусть по всем моим дорогам —
кеглей тех цветочный плен!..
И помчусь я, как мальчишка,—
поскользнуться ненароком
И коснуться милосердной
теплоты твоих колен.

Отдаю! — Другому слава,
и призы, и крики: «Браво!»),
А упавшему — отрава
снисходительных реприз.
Но зато испуг твой тайный,
будто поздняя отава,
Засверкает из-под снега —
вот он, вот мой главный приз!..

За Уралом, за Аралом,—
как бы мною ни играла
Жизнь моя,— шуточный слалом
тот запомнится навек!
И твое: «Тебе не больно?!»,
и как сердце обмирало:
«Что нашло? Что потеряло?» —
у твоих цветочных вех.

ДОМИК ТВОЙ

Будто старичок подслеповатый,
Вот же он, четвертый от угла,

Домик голубой, где ты когда-то
Маленькою девочкой жила.

Добрые доверчивые бревна,
Не отдайте стуже и грозе
Память дорогую, где подробно
Все о той далекой стрекозе:

Где ее любимая дорожка —
Бегать в зацветающем саду,
Где ее заветное окошко,
Чтобы любоваться на звезду.

Вы храните, милые, храните
Даже гвоздь, где вешали белье,
И тяните, бережно тяните
Нити снов безоблачных ее.

Тает лет шагреневая кожа.
Но дождемся, может быть, мы дня —
Рассказать все той, что так похожа
Будет на нее и на меня.

ССОРА

В щели, в форточки сквозные
Тянет сыростью, дымком.
Листья, красные, резные,
Залетают на балкон.
Ты ушла и не сказала:
Убирать — не убирать.
Будто яблоки с базара,
Листьев огненная рать.

Лишь вчера мы покупали
Эти яблоки с тобой
И друг другу уступали:
«Сорт, пожалуйста, любой
Выбирай, моя родная!» —
«Лучше ты! Что любишь ты?..»
Как мои воспоминанья,
Кружат красные листы.

Видно улицу из окон,
Но прохожие редки.
В нашем доме одиноком
Тишина и сквозняки.
И тоска.
И мухи злые —
Злым словам твоим под стать...
Листья, красные, резные,
Продолжают залетать...

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Последний снег, ты бледен от испуга:
Свою судьбу ты знаешь наперед,
Но этого сверкающего луга
Никто у нас пока не отберет.

Любимых щек прощального пожара,
Прощального холодного кивка
Единственной, что мне принадлежала,
Не отберет никто у нас пока.

Не отберут отчетливо вонзенных
Следов ее, что светятся, дразня,
И слов ее немножечко казенных,
Жалеющих: «Мы все-таки друзья!» —

Не отберут. По-своему побелим,
Хотя б на миг прощанье отдалить,
И хмурый лес, и улицу, и берег —
Да милых глаз никак не забелить!

Им для другого хочется расставить
Своих ресниц капроновую сеть,
А нам пора, наверное, растаять
И на плечах обузой не висеть.

Пора понять, что уличным потоком
Нам завтра течь в ближайший водоем.
Зачем же мы с надеждою жестокой
Стоим и умираем на своем?..

ПОДРУГИ

Вы всегда ходили парой
В парке, где гулял и я.
Что вы — Танечка с Тamarой —
Рассказали мне друзья.

Сразу стало им заметно,
Как смотрю я вам вослед,
Ибо сами безответно
Вас любили много лет.

Вряд ли, милые подруги,
Удивит вас эта весть —
Ведь любить вас
В нашем круге
Почитали мы за честь!

А не любишь —
Значит, болен,

Детский сад и первый класс,
Не доросший до любви,
До такой вот, как у нас...

Но для вас, наверно, тайна,
Что почти полсотни лет,
Вы — Тamarочка и Таня —
Круга нашего цемент!

Что улыбки вы — на лицах
И лекарство от морщин,
Что вы — притча во языцех
Все изведавших мужчин.

Что, коль молвит
Друг наш старый
С пылким сердцем пацана:
«Тост — за Танечку с Тамарой!» —
Мы встаем и пьем до дна.

Не вдаемся мы в детали,
Вас подняв на пьедестал,
Кто — о Томе,
Кто — о Тане
Ранней юностью мечтал.

Нам теперь уже не важно
У кого кто был в чести —
В юность ведь, как в реку,
Дважды,
Как ни пробуй, не войти.

И для нас уже навеки,
До последнего глотка,
Не отдельные вы реки —
Наша общая река,

Наша «Танечка и Тома»,
Что сумели мы сберечь, —
От смешного до святого
Продолжающая течь!..

Любовь Юркова
(г. Усть-Каменогорск, Казахстан)

Поэт — член Российского союза писателей, член Всемирной корпорации писателей, член областного регионального объединения «Звено Алтая», руководитель литературного объединения «Прииртышская лира»

ХОЛМОВ ЗОЛОЧЕНАЯ МЕДЬ

Рябиновой веткой мне осень в окошко стучится,
Шафрановых листьев в саду золоченый покров.
Опять в эту осень мне часто ночами не спится,
И голос забытый сквозь дремы шепнет про любовь.

Опять эта осень сомнений плетет небылицы.
Где в ярких зарницах холмов золоченая медь.
Как в книге страницы, мелькают любимые лица,
И сердце подскажет, как в этом костре не сгореть.

Зачем эта осень мне с грустью в окошко стучится,
Любви запоздалой напомнив забытый напев.
В осеннем пожаре мечты — перелетные птицы
Осыплются ветром, теплом никого не согрев.

КРАЕМ НЕБА ИЮНЬ

Краем неба июнь по душистой тропе.
Словно кошка, мурлычет свои заклинанья.
Легким шепотом трав вторит лето во сне,
Через тысячи лет назначая свиданье.

Я закрою глаза, тает неба вуаль,
Сердца нежности плен над уснувшей рекою.
Мне былого не жаль. Только горечь потерь —
На душистой тропинке расстались с тобою.

Мой красавец-июнь, щедрость лета в глазах,
Мелким кружевом стежки засыпал травой.
Нежный шепот разлук тает в наших сердцах.
И затихшее эхо плывет над судьбою.

ДОЖДИК УСНУЛ НА ПЛЕЧЕ

Небо вспорхнуло ресницами,
и покатилась слеза.
Яркие молнии — спицами,
в небе июньском — гроза.

Всполохи в громе купаются.
Струйками дождь на траве.
Брызги, что яркие радуги,
Крыши домов в серебре.

Ангел в сапожках резиновых,
в длинном, промокшем плюще,
вытряхнул тучки пугливые —
дождик уснул на плече.

Перышком «глазки анютины»
Нежно, с любовью протер.
Бабочкам крылышки робкие
Взмахом, — пылью «колер».

Выткались краски узорные.
Перышки-крылья в полет!
Пчелки, игриво-проворные,
В улья — раскрашенный мед...

ВЕСНА КУРАЖИТСЯ

В душистых трепетных садах весна куражится.
И, как сединки на висках, печаль уляжется.
Из ароматов летних снов слезинки тайные.
Напоминая о любви цветы признания.

Ковром ромашковых полян листочки белые.
Жужжат, что майские жуки, слова несмелые.
Прикосновенья ветерка да вздох желания.
Твой взгляд из юности смешной, и миг свидания.

Воспоминания нежны, что муки прежние.
Прикосновения руки лаской безбрежною.
Волной душистою сирень обнимет радостно.
И словно не было тех лет... И сердцу сладостно.

БЕЛОЙ НОЧИ НАПЕВ

Это точно про нас, старый дивный романс,
Что душа в лабиринтах любви моей пела.
Отгорело в ветвях золотым сентябрем,
Строчкой ласковых грез в небесах отболело.

Что-то вспомнится вдруг, словно теплится миг,
За прозрачной волной синевы звездопада.
Белой ночи напев и отчаянный крик
Пароходных гудков. Губ любимых прохлада.

Вновь усталая нить позабытых тревог
Вспыхнет яростью ласк и былых наваждений...
Свет любимых имен от разлуки продрог
В лабиринтах тоски и судьбы сновидений.

ЭТО ПРОСТО СЕНТЯБРЬ

Это просто сентябрь — золотою волной листопада
Брызжет светом любви и назойливых серых дождей.

Бабье лето в объятьях уснувшей тоски звездопада
И дурмана холодных, прошитых багрянцем полей.

Легкой поступи стать у княжны в золоченых одеждах.
Роскошь выюги цветной загулявшей девахи шальной.

И под куполом грез в облетевших с листвою надеждах.
Синь реки твоих глаз. Остывающий берег ночной.

Петр Межиньш
(г. Рига, Латвия)

Петр Межиньш родился в г. Елгаве (Латвия). Мать — из русских староверов, отец — латыш. Отец Петра Янис Межиньш воевал в Советской Армии в ВОВ. Закончил строительный техникум. Лауреат литературно-общественной премии «Золотая осень» им. С. А. Есенина с вручением одноименного ордена (за вклад в русскую литературу).

* * *

Куда летишь, мой огонек,
ночной цветок, ночная песня?
Танцует жизни фитилек
над водной памятью небесной.

И кажется, что нет преград,
а дух — одно лишь устремленье...
И на тебя миры глядят,
как светоносные растенья.

Мгновенье — в жизнь лететь, паря,
над страстной речкой поцелуя,
где зарождается заря
в порывах, — счастья, тонких струях...

* * *

Куда ведет ночная глушь,
коровий путь
среди лунных луж?

Коровий путь, иди, бреди,
от злой напасти огради!
Тропа течет наверх и вниз...
Небес дома, а в них огни,
и синий отблеск

на рогах...

За поворотом берега...
Переливается, как ртуть,
в глазах плывет

коровий путь.

Коровий путь, иди, бреди,
от злой напасти отведи!

* * *

Светлячок мой, светлячок —
тоненькие ножки...
Раз — скачок, два — скачок —
в парке по дорожке.
Твой веселый огонек
скачет и смеется,
и сияет фонарек
звездного колодца.
То ты здесь, то где-то там
за кустом сирени —
по траве и по цветам,
где ночуют тени.
Я хочу тебя поймать.
ты быстрее все же...
То — волна, то снова гладь
на траве от стежек...

* * *

Шумит и клокочет запруда
и падает, пенясь, вода.
Течет неизвестно откуда,
втекает — незнамо куда.
И мелется, мелется время,
и крутятся дней жернова.
И сырость сочится сквозь темень.
И ночи пугает сова.
И старого мельника призрак
идет, половицы скрипят.
И голос исходит на брызги.
Струится, лучась, водопад.

И лопасти мельницы — в звездах,
и лунная ось — в колесе.
И зов огоньков перевоза.
И души идут по стезе...

* * *

Молчит отец, ему видней
все наши дни — со дна,
и все орудья батарей,
и сон, где сплошь — война.

В груди — железная страна,
проклятая война...
Моя печаль, моя вина —
смертельного зерна.

Засеяно все поле впрок.
Земля — одни холмы.

Не назидателен урок.
Туман гудит из тьмы,
и за туманом мой отец —
незримая стена.
И не пришел войне конец,
сквозь мир глядит война...

* * *

Ах ты, золотко мое,
свет-цветочек аленький,
пароходик пристаёт
беленький и маленький.
Пароходик пристаёт,
мы пойдем по лесенке,
поплывем за окоем,
словно гуси-лебеди.
Мимо будут плыть дымки,
облака над речкою,
поле, рожь и васильки,
вика и кузнечики.
Пароходик забурлит,
загребая плицами, —
мимо солнечных раки
с длинными косицами...

* * *

Из кораллов вырезая глыбы,
создаю дворец для песен ветра.
Водят эхо волн в глубинах рыбы,
и моллюски чуют струны света.

Поднимается дворец, слагая гимны
по ступеням кромки океана.
В стенах звуком чувства плещет имя,
выплывая из вуали и тумана.

Знает ли за океаном ангел,
что кораллы сердцем нежным плачут,
что плывет вчерашней встречи тАнго,
что внутри вчерашних окон пламя...

Метры моря на темечко
 дают мне с высоты,
И в ушах ощущается
 соль земная воды —
Вдруг найду драгоценности,
 клад, пиратский корвет!?
Не везет — но для верности
 покружился... — Но нет,
Корабли померещились
 миражами утрат...
Я — морское чудовище —
 но и этому рад!
Стану рыбой подводною,
 погружусь глубоко —
Где нет мерзости, подлости —
 до людей далеко!

ВНУЧКЕ

Спит в кроватке внучка —
Утомилась... Спит...
Разбросала ручки,
Носиком сопит...

Снится ей кораблик
В голубых морях,
Что плывет далеко,
Ветер в парусах...

Снится добрый мишка,
Ласковый щенок,
И шалун-зайчишка,
Смелый тигр-дружок.

Снятся ей игрушки:
Домики, шары,
Мышки и лягушки
Сказочной поры.

Спи, моя родная —
Плавай в светлых снах...
И живи, не зная
О плохих делах!

ЕДУ В ГОСТИ

Еду в гости, на родину,
В то за речкой село,
В окруженье болотинном
Затерялось оно...

Где поля были — заросли
Захватили простор,

А вот люди — остались ли?
Лишь погост-косогор...

Где печально и благостно
Сплошь лежат земляки...
А на сердце так тягостно —
Захлебнусь от тоски!

У ЗЕРКАЛА

Встав у зеркала жизни однажды —
Я увижу, как смотрит другой —
Нет, не я, не такой — завсегдашний,
А старик — совершенно седой...

Где тот мальчик, что с удочкой бегал,
Умиляясь природе речной?
Где тот город, укутанный снегом,
Где бродил я не с ней, а с другой?

Где любовь, ускользнувшая мимо?!
Где удача из терний труда?
Сердца трепет от взгляда любимой,
Жажда чувств, что ушла навсегда...

И стоит перед зеркалом тихо
Незнакомец — уставший, чужой...
Жизнь промчалась так быстро и лихо —
Словно было все в ней не со мной...

Все куда-то ушло безвозвратно?
Я не верю кривым зеркалам!
И вернусь к той тропинке обратно,
Чтобы встретить любимую там...

Она будет опять ненасытной,
Кровь прильет от объятий ее...
...Незнакомец скривился ехидно,
А точней — отражение мое...

* * *

Что за птички? — Да просто синички
Прилетели ко мне под окно.
Две подружки, а, может, сестрички
Расчирикались славно, легко...
Чистят перья, рябиной постятся,
Как прекрасна свободная жизнь!
Начирикаются и наедятся,
А потом вдруг срываются ввысь...
Птичья жизнь — не людей прозябанье —
Нет ни склок, ни обид, ни страстей...
Не понравилось тут? — До свиданья!
Вверх поднялся и прочь поскорей!

Татьяна Житкова
(г. Рига, Латвия)

Родилась в России, живет в Латвии (Рига). Окончила физико-математический факультет Ярославского педагогического института имени К. Д. Ушинского. Поэт, публицист, редактор, переводчик. Автор трех поэтических сборников. Публикуется в журналах, антологиях, альманахах.

* * *

Не спрашивай меня,
Как пишутся стихи,
Как льется их мотив
Из дальнего пространства.
Я только пианист,
Слова мои легки,
Когда бегут они
Из-под озябших пальцев.

Я только музыкант.
Над таинством строки,
Едва услышав звук,
Настраиваю лиру
И ритм ее, и такт,
И свет из-под руки,
И радость волшебства
Незримого эфира.

Струна моя — душа —
Чуть слышно зазвонит,
И будет снова пир,
И будет ночь в изгнанье,
И будет воздух свеж,
И будет чист мой лист,
Когда придет твой зов,
Стихов моих создатель...

* * *

Там, где малиновым солнцем согрет,
Дремлет песчаник,
Сосны шумят и серебряный свет —

Братья, славяне!
Горы уснули. У самых небес —
Гаснувший пламень.
Двигутся воины в сумрачный лес —
Братья-славяне!
Видишь, костры развели у реки?
Светится камень.
Из звездных знаков плетут узелки
Братья-славяне.
И коль беда притаится грозой
Под небесами.
Встанут стеною в тот час роковой
Братья-славяне.
Кто устоит против силы такой?
Вдумайтесь сами.
Только победу приносят домой
Братья-славяне.

КОНЦЕРТ В ДЗИНТАРИ

Гроза метала молнии на сцену,
Летели листья с каплями дождя,
А в зал лилась мелодия Шопена,
Лилась и билась в сердце у меня.

Гром заглушал и мучил пианиста,
А он, как будто наперегонки,
Бросал в грозу то гроздь, то монисто,
Взрывал аккорды, грому вопреки.

Но вдруг, очнувшись, нежными руками
Едва коснулся зеркала души...
Тончайшей грусти гаснущее пламя
Последней искрой вспыхнуло в тиши.

И замер зал, сплотившись к середине,
Он был един в молчании, пока
Разряды молний и потоки ливня
Не унесли с собою облака.

* * *

Как в нашем детстве мели метели!
Мороз на окнах стелил узоры,
И звезды с неба на лапы ели
Бросали сказочные уборы.
Мы ждали чуда, и чудо было:
В живых картинах и вихрях масок.
И сердце жарко и шумно билось,
Вбивая ритмы волшебных красок.

Добро сражалось за право выжить,
А зло всегда побеждала дружба.
И мы кричали, и было слышно,
Как бились склянки декабрьской стужи.
В ребенке правда живет с рождения,
Ему не надо слагать законы.
Ему по высшему повелению
Доступны солнечные короны.

Все дети — маги. Они летают
И днем, и ночью — куда попало...
И льдинки тают и исчезают
Под звуки праздничного карнавала.
А в нашем детстве мели метели,
Сейчас же зиму дождями смыло...
Январь, под звук заводной капели,
Зонтами радужными накрыло.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

*Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской
литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

* * *

В середине августа зеленого
С легким желтым проблеском в листе
Затеряемся счастливые, влюбленные
В городе с мостами на Неве.

И пойдем гулять по длинным улочкам,
Что своей историей манят.
Так же вот по этим переулочкам
Мы гуляли много лет назад.
Здесь все грани времени стираются,
И года — мгновение одно,
Ручейками счастья растекаются
В сердца два, как будто бы в одно.

КРЫЛЬЯ МЕЧТЫ

Вы представляете — яркие крылья
В небо меня увлекали опять!
В сказочном сне, словно в детстве, парил я,
Вновь научившись летать и мечтать.
В страны чудесные, в синие дали,
В выси бездонные, под облака
Я уносился, внизу проплывали
Поле, леса, деревенька, река.
Быстро летал, высоко и свободно
Дух замирал и стучало в груди,
И мне казалось — летай, где угодно,
В небе открыты любые пути.
Детство сокрыто годов пеленою,
Но как же хочется верить порой,
Что вдруг однажды случится с тобою
То, что зовется крылатой мечтой!

ОСЕНЬ

Поле бескрайнее, лес
И деревенька окрест.
Храм на пригорке вдали,
В небе летят журавли.
Осени поступь слышна,
Всюду желтеет листва.
Отблески солнца в траве,
Запах костра в полумгле.
Утром в низинах туман
С грустью души попадам...

Виктор Евдокимов
(г. Торонто, Канада)

Виктор Николаевич Евдокимов родился в Санкт-Петербурге. Детство и школьные годы провел в Феодосии в Крыму. Получил диплом инженера-механика в Тульском государственном университете в России. Сейчас уже двадцать лет живет в Канаде. Стал известным в академическом мире писателем, автором четырех монографий по истории денежного обращения города Кафы в Крыму в 13—15 веках. Пишет стихи. Получил диплом за лучшее стихотворение конкурса «Русь славянская, Россия православная» и стал Серебряным лауреатом конкурса «Золотое перо Руси» 2015 года в номинации «Поэзия» за сборник стихотворений «Серебряного века, серебром» - специальный диплом Михаила Ножкина.

* * *

Спустилась ночь и ветер гонит тучи.
Блеснет и прячется звезда.
От фонарей ложится свет на плечи,
А я бреду, не ведая куда.

Прозрачной дымкой застлана дорога.
Шуршанье ветра слышится вокруг.
Мерцанье звезд, зажженных рукой Бога,
Заглушит боль нечаянных разлук.

Меж туч просвет становится все шире.
С Луны спадает облаком вуаль.
А у земли лучей — как струн на лире,
Они уходят в еле видимую даль.

В глубоком небе звездное мерцанье.
В прозрачных красках светлая земля.
Над ней воздушное парит благоуханье,
В столбах небесного седого хрусталя.

* * *

Ветерок меня во сне ласкает.
Блеск озер, стеклянная река.
Паруса на реях надувает.
Кто-то там идет издалека.

В перламутре чистом парусина.
Между рей вуаль седых снастей.
А вокруг озерная равнина,
Нет на ней ни лодок, ни людей.

В мыслях я стою под парусами.
Что-то ветер мне поет в снастях.
Палуба покрыта кружевами:
Хранят память доски о штормах.

Блеск зеркальный слепит и сверкает.
Яркий свет слепит мои глаза.
Вид прекрасный душу мне волнует,
Как волнует ветер паруса.

* * *

Воет ветер, сердце разрывая.
В небе светит яркая Луна.
Пролегла дорога ледяная
От Луны до светлого окна.

За окном какое-то движенье.
Из огней невиданный узор.
Замер я. В душе моей томленье.
Не могу я отвести свой взор.

В том окне светились раньше свечи.
Стекла были в красках янтаря.
Свет лучи кидали мне на плечи,
Будто бы светили с алтаря.

Таял воск, дорогу обнажая.
Теплота струилась из окна.
А теперь — дорога ледяная,
И в окне холодная Луна.

* * *

Заскрипели ветви на деревьях.
Зашумела крона надо мной,
В грозových запуталась лохмотьях,
Небо черное, с луною голубой.

Рвутся нити, звезды открывая.
Дышит небо страшной глубиной.
И меня касаются, лаская,
Пятна лунные, танцую предо мной.

Вокруг звезд таинственная дымка.
Млечный путь — седая полоса.

И лучи из призрачного шелка
Над землей рождают чудеса.

Среди звезд одна висит, мерцающая.
От нее в душе моей покой.
Каждый раз, за нею наблюдая,
Забываю я о бренности земной.

* * *

В сумерках стихия предо мною.
Нет на ней воздушных кораблей.
Длинный путь остался за кормою —
Длинный путь неведомых морей.

Море слилось с куполом небесным.
Гладь морская в звездах золотых.
Мне под парусом мечталось белоснежным,
Среди мачт из сосен вековых.

Лунный свет блестит в седых кристаллах —
Соль морская украшает корабли.
Будто бы на реях и на мачтах
Светлячки фонарики зажгли.

Вся надежда только лишь на чудо,
И на ветер, что надует паруса.
И тогда обещанных семь футов
Мне под килем вновь подарят небеса.

* * *

В прохладных сумерках течение:
Лучи пронзили небосвод.
Мне видно звездное движение —
Вселенной маятника ход.

Мерцанье глубины бездонной.
Туманной дымки бледный свет.
До совершенства доведенной
За миллионы прошлых лет.

Сияньем звезд замороженный,
В объятьях гулкой тишины
Притих дух вольности мятежный —
Его порывы не слышны.

В душе проснулось томленье —
Грусть от несбывшейся мечты.
И нервов трепетных волненье,
И боль сердечной пустоты.

РЫЦАРЬ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Прошел внезапно дождь холодный.
Дорога в лужах. Серость дня.
Каретой правит кучер стройный.
В ней дама сердца. Рыцарь — я.

Меня обдало волной теплой.
Плащ ветром тронуло на мне.
Карета плавно, с дрожью легкой,
Ко мне стремится в тишине.

Склонился я в поклоне низком.
Дверь распахнулась предо мной.
Прям под ступенькой, мне упреком,
Грязь перемешана с водой.

С себя срываю плащ парчовый.
Стелю пред дверью, как ковер.
В глазах любимой туман влажный;
Под ножкой гербовый узор.

* * *

Мне дня, бывает, не хватает:
День слишком короток земной,
Мне грудь волнение вздымает:
С какой летит он быстротой!

Дела за ним не поспевают.
О них я думаю с тоской.
Дни скоротечностью пугают,
Как ночью небо глубиной.

Ох, Боже мой! Летит как время.
Как все успеть, не растерять?
Чтоб не потухло в груди пламя
Труды отчизне посвящать.

Мне не раздвинуть дня границы.
День слишком короток земной.
Сдвигает ночь свои границы,
Чтоб снова день продлился мой.

Анатолий Арестов
(г. Рубцовск, Алтайский край)

Анатолий Арестов родился в Рубцовске Алтайского края. Учился в Пензенской государственной сельскохозяйственной академии. Публиковался в изданиях местного и всероссийского уровней.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Русью пропитан твой взор,
небом — шальная душа!
Ветра степного раздор
сердцем любил ты. Дыша
запахом свежей земли,
чувствами жил не стыдясь.
Росы на травы легли —
свежей слезою на грязь
потных рубищ мужика,
в них ты, Есенин Сергей!
Снова плывут облака,
там над Рязанью твоей.
Вновь колосятся хлеба,
радуя новых крестьян,
белой березы мольба
слышится утром с полян.
Громко сказал о Руси,
крикнул о ней на весь мир
горько стихами: «Спаси!»
Выпил до дна сей потир.

АГРОНОМИЧЕСКОЕ

Лето знойное в этом году,
запеченное, странное лето:
ни дождя, ни росы на лугу,
громыхало, сверкало, но где-то
далеко. Не у нас, где Алтай
разнотравный с пшеницей и рожью!
На таежный обрушился край,
проходящий с небесною дрожью,
сильный ливень, хотя он нужнее

промочить черноземную пядь.
Рассуждать я не буду, виднее
управленцам, где синяя гладь.

РАССТАВАНИЕ

Грачи на ночлег прилетели
из дальних пшеничных полей,
уселись на ветки-качели —
«общажная» жизнь веселей!
Ночной диалог продолжая,
забыли о дне трудовом,
заплакала осень сырая
над черным грачиным пером.
Прощаться придется им скоро
с любимой своей бороздой,
не будет, конечно же, ссоры,
расстанутся, им не впервой.

ПРОМОКШИЕ

Покраснела черемуха, пожелтела береза,
осыпаются первыми с клена листья,
задождило, забрызгало. На асфальте колеса
порождают смятенье осенней воды.
Заблестели зонты синтетической тканью —
разноцветной надеждой в сухость вещей,
не спасти от потока эту жизнь тараканью,
иногда лишь смеющихся, гордых людей...

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

По острому лезвию жизни бегущий,
летающий к мечте и творивший добро,
забрался по шею в болотную гущу
жестокоего мира, где есть серебро.
Где правит улыбка — фальшивая маска,
где совесть лишь слово — пиар-механизм,
где баннер рекламный — молитва-подсказка,
где идолом — ценник, ценой — фанатизм.
Нелепая честность осталась не в моде,
летающий к мечте и творивший добро
живет в этой гуще, забыв о свободе.
Какая свобода? Ведь есть серебро...

Елена Воробьева
(г. Усть-Каменогорск, Казахстан)

Живет и работает в Усть-Каменогорске Восточно-Казахстанской области. Имеет физико-математическое образование, программист. Увлекается авторской песней и поэзией. Ее стихотворения вошли в антологию «Жемчужная поэзия Казахстана»; опубликованы в международном альманахе «Аманат»; в журнале «Доля» (Литературный Крым).

СТАРАЯ ТЕТРАДЬ

Не завтра, но потом, когда-нибудь,
В ту ночь, когда я вас почти забуду,
Вдруг облака откроют Млечный путь,
И наколдуют сны из «ниоткуда».

И вам приснится старая тетрадь,
И глупость строк, и нежность многоточий,
И вы тогда поймете, между прочим,
Все, что сегодня не могли понять!

Дай Бог, чтоб ваша грусть была легка,
А сны-воспоминания беспечны,
И пусть сияет в небе путь ваш Млечный,
Который вдруг откроют облака.

Не завтра, но потом, когда-нибудь,
В ту ночь, когда я вас почти забуду,
Вдруг облака откроют Млечный путь,
И наколдуют сны из ниоткуда.

И вам приснится старая тетрадь,
И десять звезд: одна, четыре, пять...

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, НАЧАЛСЯ ДОЖДЬ!

Ваше Величество, начался дождь!
В Вашем лесу так легко заблудиться.
Нет, я поднять не посмею ресницы,
Да, мы промокнем сейчас, ну и что ж?

Ваше Величество, вот и гроза!
Пусть нас не тронут июньские грозы!
Глаз ваших нежных пречистые слезы —
Жемчуг, алмаз, бирюза.

Нет, нас не тронут июльские грозы!
Счастье, молю тебя, не уходи!
Сказки июля нежны, как березы,
И кратковременны, словно дожди...

МЕДИТАЦИЯ

Пусть за окном белый свет, маета,
Синие сумерки, белое небо —
В золото звезд улетай, мечта,
Краткая память — в печаль и небыль.

Старые рифмы, новые песни,
Отношений абстракция...
Все это будет, мне будет весело,
А пока — медитация.

Что там сегодня? Дальние страны?
Регги, тамтамы, песок, бонги?
Парус в лазурной дали океана?
Дикие песни, древние Боги,

Остров Пасхи, Индия, Грузия
Рифмы печалей, ритмы дорог,
Музыка счастья, надежд и тревог
И радость обмана – иллюзия.

ПЬЯНЯЩИЙ ЦВЕТАМИ ИЮЛЬ

Ты должен сказать «не люблю»?
А я не просила ответа!
Любовь — бесконечное лето,
Пьянящий цветами июль...

Любовь — бесконечное лето,
Дорога в беспечную даль,
Туда, где смеются рассветы,
Оттуда, где плачет печаль,

Где все, что не сбудется с нами,
Уйдет в предрассветный туман...
Ты должен? Отдай же стихами!
А все остальное — обман!

СЕРЕНАДА ЛЯГУШКИ

Отправляясь в путь, иди всегда налегке:
Ничего с собой не бери!
Все, что пригодится в этой жизни тебе,—
Музыка вечерней зари.

Музыка, которой мне уже не забыть,
Свет луны манил серебром...
Мы пели, а ведь этого могло и не быть!
Но, Боже, как мы пели вдвоем!

Отправляясь в путь, забудь обиды свои:
Ни одну с собой не бери!
Лишь воспоминанья о весенней любви,
Свет луны, да лучик зари...

Музыку, которой мне уже не забыть,
Свет луны манил серебром...
Мы пели, а ведь этого могло и не быть!
Но, Боже, как мы пели вдвоем!

Не проходит этот заколдованный сон!
Мы живем в мелодиях-снах!
Но однажды запоет для нас саксофон...
Ах, не утонуть бы в мечтах!

Александр Лебедев
(г. Москва)

СТИХИ О МОСКВЕ

Александр Лебедев родился в 1958 году в Москве. Окончил историко-филологический факультет Московского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Работал в Министерстве культуры СССР. В 1989 году совместно с драматургом Александром Курляндским основал первую частную студию анимационного кино. С конца 90-х успешно продюсировал телевизионные игровые фильмы. Как поэт дебютировал в 2008 году томом «Избранное», который выдержал несколько дополненных переизданий. Позже в известном московском издательстве «Образ» вышли стихотворные сборники «Пенсионная книжка» (2018) и «Сберегательная книжка» (2020).

МЕГАПОЛИС

Не злись, мой гиблый мегаполис,
сиренами ментов не вой.
Тобою выписан мне полис —
от всех печалей — страховой.
Ложь твоих фейковых газонов,
твоих неискренних огней,
твоих неистовых кобзонов
терпеть мне до исхода дней.
Терпеть бардак твоих сезонов,
жару и слякоть, гарь и шум,
без объяснения резонов:
год за два, три еще — «на ум».
Мой мегаполис, лис хитрющий,
свари мне тушку Колобка:
пусть будет твой отвар погуще,
чтоб жег от глотки до лобка.
Не уставай, мой строгий город,
мне дело липовое шить.
Пока трясешь меня за ворот,
я жив и буду дальше жить!

МОЯ МОСКВА

Не рыхлым снегом, мать твою ети,
не скользкой плиткой
в пешеходных зонах,

не мусором в загаженных газонах,
но болью ностальгической в груди
с тобою связан, строгий город мой.
Пропитан смогом я твоим и вкусом
той булочки из детства,
теплой, с маком,
и долгой жизнью за своей кормой.
Я обречен всегда тебя блюсти,
терпеть твои голимые подставы,
стоять последним стражем у заставы,
любить тебя, ах, мать твою ети!

ОПЯТЬ МОСКВА

Яну Бруштейну

Я все равно ее люблю,
ее, огромную без меры,
мне данную как символ веры,
дурацкую Москву мою.

Вдыхаю я взахлеб сирень,
топчу чуму казенной плитки
и путь, со скоростью улитки,
по пробкам мне вершить не лень.

Как заблудившийся олень,
я в омотах ее проспектов
тону субъектом средь объектов,
но выплываю, как пельмень.

И растворяется тоска
в цыганщине иллюминаций,
и мне легко в приюте наций
кутенком у ее соска.

МОСКВИЧКА

Марии Гадас

В эпохе камней и камелий
не найден альков для нее.
И мелет московский Емеля
в труху ее точки над «ё».
В потоках метрополитена
сплавляясь в пасленовый ад,
она не полезет на стену,
а гордо залезет в айпад.
Нет, не перелетная птичка —
она здесь на тысячу лет,
она здесь лелеет, москвичка,
свой белый единый билет.

И еле добравшись до лета,
в юбчонке короче, чем ночь,
на улице склеит поэта,
мечтая судьбу перевозмочь.
Ни годы, ни гады, ни сплетни
не смогут ее опалить!
А я, от рожденья столетний,
ей дан, чтоб понять и... налить.

СТОЛИЦА

Я ловлю каждый лист,
оппадающий с чахлах дерев,
хамской плитки приемлю
шершавые серые ранки,
фонарей неуместных
беру на себя перегрев
и наглеющих байков терплю
по ночам перебранки.

Институтка-Москва,
мне с тобой еще вальсы кружить,
удивляться, чудачить,
томиться в привычной неволе,
проклинать свою слабость
и жалкому клану служить —
все приемлю, доколе
дано на последнем приколе
мне, ворчливому, жить
и над новой строкой ворожить!

МАЙ

Владимиру Вишневскому

Загуляла Москва:
здесь сирень и черемуха «жгут»,
наших жухлых рецепторов
тянут созревшие репки.
И свивает тоска
уже нервы в натуженный жгут,
и не скрепы нас держат,
а юности ржавые скрепки.

Снова краткий сезон
до предела растущего дня,
когда утро — в четыре
и ночь незаметна по пьяни.
После ливней — озон,
и рассветы краснее коня,
и согласие в мире,
и радость и в ине, и в яне.

Аркадий Польшин
(г. Лебедянь Липецкой области)

КУПЕЦ
(поэма)

Член Союза писателей России с 1995 г., действительный член Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург) и Академии литературной документалистики (г. Москва). Автор поэтических сборников: «Где-то там, за грозой» (1993), «Воля» (1996), «Берег» (2015), «Дом у берез» (2018). Опубликовал ряд поэм. На стихи поэта написаны песни в исполнении народного ансамбля «Казачий разъезд» (г. Данков).

Часть первая

Купцы собирались в рейс.
Целовали жен да детишек.
Один взял жеваный кейс
И пару потрепанных книжек.
Он их родил между дел —
На улицу вывернул шкурой.
Чудак стукануть хотел
В небесную прокуратуру.

Сыты желудок и бак,
Камазик гремит таранасом;
Месяц — кривой вурдалак —
Как бы моргает атасом.
Как будто хочет сказать,
Поведать купцам опоздавшим:
Обнять холодную мать
И взять на дорожку калашник.

Месяц, ты тертый калач,
Сиделец любого острога...
По звездам вбуримся вскачь
И все уповаем на Бога.
Он здесь (между ребер!) ждет,
Газует в прожекторах сердца.
Не нужен купцу пулемет;
Пустите, ребята, погреться.

Машины, машины в Русь...
Ползут железяки нахрапом.
Над Владиком есть Иус,

Висит над Самарой Распятый.
А как же тот экипаж
Купцов с заводского района?
Мною взята в карандаш
История без протокола.

Месяц смеялся — жиган,
Месяц гудел трубадуром:
Знал гад, где ладят капкан
Разбойники сгорбленным фурам.
Серпастый смылся... Луна!
Проклятье царя Годунова:
Тогда... впрягали коня,
Сегодня — бак тристаголовый.

Друзья, прослушайте сказку —
Дорожную карабаску...

Часть вторая

В зачарованном царстве,
При червонном начальстве,
Жили-были ребята —
Шофера-жигулята.
Перестройка пришла —
Заюзила юла.

Потянулись орлята:
Кто в тюрьму, кто в солдаты.
Задрожали заводы,
Как на дне пароходы.
Он подался в купцы —
Запрягать огурцы.

Худо-бедно держались
На поруках державы.
Обросли дальняками,
Прохудились боками.
Но теперь кто как смог —
Из друзей один Бог.

Но приступим к рассказу,
Как Нептун к водолазу.
В шторме этом ответы —
Из ларька сигареты...
Не хотел вспоминать
Он фартовую тать.

Он хотел все и сразу,
Без ружья и приказы.
Как на Волгу ходили
В Пугачевские зыри...

Что ль, авось, пронесет:
С нами правда и счет!

В кейсе влага и книжки,
Да родные коврижки.
Гнут ребята Рязанью —
Чумовой партизанью.
Месяц рядом плывет,
Как полуторный гроб.

Но однажды устали
Упираться в педали
И спокойно уснули
(Без снаряда и пули).
Этот... день на войне —
Позабыть бы вдвойне.

Только... если помру, —
Кто пугнет детвору?

Часть третья

Спят тревожно брателлы!
Видят сонные рыбы:
Будто месяц горелый
Лезет в спальню к любимой...
Юнга хочет проснуться,
Но в окно чья-то бутса.

Зазвенели приклады
О камазика ребра,
Уже делят мулаты
Того месяца ведра.
Уже тащат, сосут
И считают за пуд.

Он налил им водицы —
Кровь вчерашнего юнга:
Она льется в страницы,
На обложку, в окурки.
Книга эта (постой!) —
«Где-то там, за грозой».

А купец наш бедовый,
Что с грозой обручился,
Все плевал на оковы,
Все заглядывал в лица.
И спросил тот пиит:
«Дядя, дай закурить».

Дядя, будешь нас резать —
Бога в ребрах тревожить —

Или сразу с обреза
Освежишь чью-то рожу?»
Парень верно сказал:
«Ни хрена не видал».

Душегубы молчали,
Как пустые бутылки.
Только ветер плечами
Шевелил на затылке
Дырку в черепа, мух
И полезный лопух.

Слышно было болезным,
Что о чем-то особом
Совещались честно
Атаман с твердолобым.
И решил тот союз:
Взять не жизни, а груз.

Бог помог, а иначе
Засапужник под ребра,
Или пули отдачу
Замели б у забора...
В километре посты —
Удалые менты.

Инда глядят живот,
Как мой дед пулемет.

Часть четвертая

Купцы зазвездили домой —
В обратку, несоло... хлебавши,
По ребрышкам, вместе с Луной —
Сестрой всем обиженным, павшим.
Летит непечатное слово
В Бориса-царя... Годунова?!

Позвольте! Не все ли равно,
Какая на улице смута?
Такое не кажут в кино:
Эпоха Шагала иль Брута...
На фурах багровые титры:
«Царевича звали Димитрий!»

Водителям нашим — беда:
Сгубили казенные гроши...
Простят ли купцов господа —
Вопрос на сегодня хороший?
А юнгу трясет лихорадка
От крови потерянной. Сладко!..

Мелькал он, как рваный сапог,
Жирафил в дырявом окошке.
Камазик пыхтел — пароход,
Смеялись они на порожке.
Смотрели вослед виновато
Лишь прапор да глаз автомата.

Привет, пароходик! Земля,
Церквушки на взгорках любимых.
Вкрутила камазик юла
В свои купола и калымы.
Все это знакомое, наше:
Здесь всяк пятихаткою машет.

Но есть и такие друзья,
Которые вслед тебе плюнут.
Ловили они карася,
Пока мы ловили фортуна.
Суют как бы правую руку,
В рукав запуская гадюку.

А юнге — зашили башку,
Турнули луну-недостачу.
И я вам, ребята, скажу:
У нас не могло быть иначе.
В шкафу улыбается книжка —
В крови, как дворовый парнишка.

Андрей Линник
(г. Харьков, Украина)

Наш постоянный автор.

НАДЕЖДА МАЛАЯ
Сонет

О, Господи, помилуй и прости!
Ты защити нас от войны и НАТО.
Русь Малая талантами богата,
Да только сатана нас сбил с пути.

Блуждаем мы в трех соснах и найти
Не можем выход. Брат идет на брата.
Мы миновали точку невозврата.
Лишь Ты нас можешь, Господи, спасти!

Страна похожа на крыловский воз,
Что Лебедь, Рак да Щука что есть мочи
Все тянут, каждый — в сторону свою.

И сколько же смертей, страданий, слез
Нас ждет? Ведь уступать никто не хочет.
Но аисты вернулись!.. Гнезда вьют.

* * *

Как описать красу родной природы:
Зелено-бирюзовый летний день,
Высоких сосен стрелчатые своды
И свет малороссийских деревень?

Все Гоголем так трепетно воспето
И в «Вечерах...», и в «Миргороде». Но,
Наверно, не по силушкам поэту
В своих стихах изобразить все это,
Что Гоголя душой сохранено.

УТРО В ЗИМНЕМ ПАРКЕ

Ночь прошла. Снега белеют,
Тает мгла.

Вьюга в парке все аллеи
Замела.

Ночью здесь творились пляски
Темных сил.
Снежный призрак в звездной маске
Здесь кружил.

И призывно темный ветер
Песню пел.
Но никто на зов ответить
Не хотел.

Ну а нынче, слава Богу,
Вьюги нет.
Гонит прочь тоску, тревогу —
Солнца свет.

Так и в жизни: радость, горе —
Чередой,
Как волна стремится в море
За волной.

* * *

Придет весна, я так ее люблю!
Нет, нет! Не март, с распутицей и грязью,
Явившийся на смену февралю
Со слякотным своим однообразьем.

Я жду апрель. Подснежниковый цвет
В проснувшихся лесах и перелесках.
Я жду апрель. Ни льда, ни снега нет —
Им, вместе с грустью зимней, здесь не место.

Я жду апрель. Чирикание пичуг
С такою чистой радостью порхает.
Я жду апрель. Не сразу и не вдруг
Проложит путь он царственному маю.

Алена Марковская
(г. Москва)

Алена Юрьевна Марковская родилась в 1986 году в Москве. В 2008 году окончила театроведческий факультет РАТИ (ГИТИС). Работала в различных интернет-изданиях. Сотрудничает с издательством Российского союза писателей. Финалист литературной премии «Поэт года-2017», лауреат конкурса «Северная звезда-2017», проводимого литературным журналом «Север». Публиковалась в журналах «Три желания», «Цветные строчки», «Союз писателей», в коллективных поэтических сборниках. В 2017 году выпустила сборник стихов «Крест и пряник».

ПЛАНЕТА

Планета моргает заспанно... Смотри, какие ресницы!
Ты видела страшный сон? Дай, милая, обниму!
Взьерошу деревья ласково, сотру салфеткой границы
И с теплых твоих бочков стряхну, как ворсинки, тьму.

Планета — навеки девочка. Лишь кажется, что большая.
А ты говоришь — стара, а ты говоришь — пора...
Как шахматной королевой, нетвердой рукой играешь
Алмазной ее душой. Но стоит ли свеч игра?

Планета не просит завтраков. Она пирожное будет!
Из космоса одеял — за твой одинокий стол.
И точно наступит завтра, и кто-то сурка разбудит.
И каждый твой старый друг еще проживет лет сто!

МАЛЕНЬКИЕ ГЕРОИНИ

Первый обморок чуда,
Первый снег на зовущей рябине...
Перемены во сне умирают опять нерожденными.
Улетайте отсюда,
Мои маленькие героини!
Обретайте себя бесконечно, упрямо влюбленными.

Золотой олененок —
Каблучки по чужому паркету...
Мрамор нежного лба лишь руками героя согреется.
Она знает с пеленок,

Что мечта ее бродит по свету,
Надо только догнать! А пока — тихо петь и надеяться.

Ты не хочешь быть сильной,
Даже мысль об этом крамольна.
Но Земля вокруг талии все еще вертится, милая.
И на улице пыльной,
И в дурмане беседы застольной
Ты вся светишься этой нездешнею мягкою силою.

Никогда не просите!
Царь сам спустится к лучшей рабыне.
И подарит весь мир. Но и мира не хватит, наверное.
А пока вы летите,
Мои маленькие героини!
Невозможные, до неприличья смешные, и — верные.

Ирина Апарченко
(г. Ангарск, Иркутская область)

ОСЕННЕ-ЗИМНЯЯ ТЕМАТИКА

Родилась на севере Красноярского края. В 1982 году закончила физико-технический факультет Новосибирского электротехнического института. В Ангарске живет с 1983 года. Работала на Ангарском электролизном химическом комбинате, инженер-метролог. С 2005 года состоит в Ангарском литературном объединении при ИРО СП России. Публиковалась в местных СМИ и коллективных поэтических сборниках, а также в литературных журналах «Сибирь» (Иркутск), «Северо-Муйские огни» (Бурятия). Автор книги стихов «Имя мое — Женщина».

ПОЗДНИЙ БЛЮЗ

Я сижу и смакую
Терпкий жизненный вкус,
На виниле тоскует
Поздней осени блюз...

Индевелые ветки,
Серебристый бокал
И осеннего ветра
Заунывный вокал...

И качаются звуки
Вдоль серебряных струн,
До неистой вьюги
Мир наполнен и юн,

И усталого друга
Я молю — продержись,
До ледового круга,
Может, целая жизнь...

* * *

Здесь неизвестность бродит под луной,
На слово «завтра» наложили вето.
Не торопясь, поговори со мной —
До сумерек... до ночи... до рассвета...

Порассуждай, навспоминайся власть,
Как васильки синели на поляне,
И юности невидимая власть
За нитью разговора — нить протянет

От чистых весен, звонких и шальных,
От клейкого березового лета —
До запоздалых отсветов стальных
Сегодняшнего хрупкого рассвета.

Пока друг другу в души мы стучим —
Не потонуть в житейском водопаде,
И высветят рассветные лучи
Прекрасный мир в усталом, мудром взгляде.

КАРУСЕЛЬ

Под осень сезоны сошлись в карусель,
Подружками вышли на праздник:
Вот белая зимушка стелет постель,
Вот лето черемухой дразнит,

Вот небо синее и грезит весной,
А солнце, слоняясь без дела,
Играет лучами с холодной сосной,
С ветрами тепло улетело...

Красавица-осень, еще поиграй
Немного озябшим листочком,
А бабьего лета затерянный рай
Украшь золотистым платочком.

Капризница-осень, с зимою не спорь,
Та спорщица — тоже не хуже,
Ослабшим деревьям вылечивай хворь
И делай ледянки на лужах.

От скачки сезонов в душе непокой,
Под стать переменчивой моде:
Сегодня я лета касаюсь рукой,
А завтра зима на подходе.

* * *

Милая, усталая Земля!
Тяжелы бетонные оковы.
Снятся шелковистые поля,
Старый лес под небом васильковым...

Стянута корсетами плотин,
Сетками дорог и тротуаров,
Скрежет металлических пластин
Вместо птичьих радостных базаров...

Твой природный первозданный лик
Сквозь асфальт проклюнулся ростками,
Но зеленый молчаливый крик
Равнодушно смяли каблуками.